

2. Дождикова, Е.В. Методика отбора и организации культуроведческого материала с целью развития индивидуальной иноязычной культуры : дис. ...канд. пед. наук / Е.В. Дождикова. – Липецк, 2006. – 185 с.
3. Малько, К.О. Формирование лингвострановедческой компетенции в процессе обучения иностранным языкам // Международный научный журнал «Инновационная наука». – №6. – Аэтерна, 2015. – С. 224 – 225.
4. Иванищева, О.Н. «Лексикографирование культуры в двуязычном словаре» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dslib.net/jazykoznanie/leksikografirovanie-kultury-v-dvujazychnom-slovare.html> – Заглавие с экрана.
5. Верещагин, Е.М., Костомаров, В.Г. Лингвострановедческая теория слова / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – Москва: Русский язык, 1980. - 320 с.
6. Брысина, Е.В. Этнолингвокультурологические основы диалектной фраземики Дона: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Е.В. Брысина. – Волгоград, 2003. – 23 с.
7. Краева, В.Ю. Диалектная фразеология русских говоров Алтая (лингвокультурологический аспект): дис. ...канд. филол. наук / В.Ю. Краева. – Барнаул, 2007. – 255 с.
8. Краева, В.Ю. Великая отечественная война в сознании диалектоносителей / В.Ю. Краева // Историческая память молодежи о Великой Отечественной войне: социально-гуманитарные и психолого-педагогические аспекты исследования и формирования Материалы всероссийской научной конференции с международным участием. – Барнаул : Алтайский государственный педагогический университет, 2015. – С.196 – 199.
9. Краева, В.Ю. Язык региона в контексте истории / В.Ю. Краева // Язык, литература и культура в региональном пространстве II Всероссийская (с международным участием) научно-практическая конференция, посвященная памяти профессора И.А. Воробьевой. – Барнаул: Алтайский государственный университет. 2011. – С. 261-266.

Марьина О.В., доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания

Будникова Н.Н., аспирант

Алтайский государственный педагогический университет

г. Барнаул

ВСТАВКА КАК СИНТАКСИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

В современной лингвистической литературе вставка имеет несколько наименований: парантеза – вводные и вставные конструкции (А.И. Аникин, В.В. Антонова, Я.Г. Биренбаум, Л.К. Дмитриева, Л.И. Сердюкова, А.П. Сковородников, Л.В. Фадеева, А.В. Чупцова и др.); вставные компоненты (М.А. Авласевич, В.В. Бабайцевой, В.Ф. Мейеров и др.); вставные элементы (А.Э. Стунгене, И.П. Распопов, Н.М. Шанский и др.). Самой распространенной номинацией является «вставная конструкция» (Г.Н. Акимова, Н.С. Валгина, В.А. Шаймиев и др.).

Многоаспектность вставки позволяет изучать ее с разных позиций. Так, достаточно полно описан формальный аспект: выявлена структура вставок (А.И. Аникин, Е.П. Артеменко, М.А. Гавриленко, А.И. Студнева и др.), определены средства связи вставок с включающим контекстом (А.И. Аникин, А.И. Студнева и др.), указана позиция вставок по отношению к включающему компоненту (М.Н. Кулаковский, Л.С. Пастухова и др.), проанализирована просодия вставок (Ю.М. Златопольский, Р.М. Романова и др.). Структурно-семантическая организация вставок легла в основу исследований И.И. Жирновой, Н.В. Рачук, формально-коммуникативный аспект находим в работах Л.А. Аверкиной, Е.Н. Козыревой, модальную роль вставных конструкций изучали В.В. Виноградов, И.Р. Гальперин, Г.Я. Солганик, Н.Ю. Шведова и др. Вставке как способу

выражения в тексте авторского «я» посвящены работы Н.С. Валгиной, И.Р. Гальперина и др., Л.Н. Котова обращает внимание на способность вставки эксплицировать образ автора в тексте.

Под вставкой мы понимаем процесс включения в основное предложение (включающий компонент) слова, словосочетания, предложения или абзаца (вставного компонента), которые (включающий и включенный компоненты) особым способом связаны друг с другом грамматически и / или содержательно-ассоциативно.

Наше изучение вставки как синтаксического процесса обусловлено тем, что он активно реализуется в прозаических текстах современной русской художественной литературы. Актуальность изучения вставки в данном контексте обусловлена тенденциями современного синтаксиса к интеграции и / или дезинтеграции (подробно об этом в работах О.В. Марьиной, А.А. Чувакина), возможностями отнесения вставки к интеграционному и дезинтеграционному процессам, а также совмещением во вставке процессов слияния и расчленения.

Синтаксический процесс есть действия, которые осуществляются компонентами процесса [1, с. 85]. Синтаксический процесс обладает следующими характеристиками:

1) наличием минимум двух компонентов, которые обеспечивают протекание процесса;

2) способом взаимодействия компонентов;

3) отношением к синтаксической норме.

Вставка как синтаксический процесс обладает следующими характеристиками:

1) имеет в своей структуре два постоянных компонента (вставной и включающий): *В одних районах жила по преимуществу аристократия (в дореволюционном Петербурге аристократическим районом был, например, район Сергиевской и Фуришадской), в других мелкое чиновничество (район Коломны), в третьих рабочие (Выборгская сторона и другие районы заводов, фабрик и окраины).* Вставной компонент: *В одних районах жила по преимуществу аристократия, в других мелкое чиновничество, в третьих рабочие;* включающий компонент: *в дореволюционном Петербурге аристократическим районом был, например, район Сергиевской и Фуришадской; район Коломны; Выборгская сторона и другие районы заводов, фабрик и окраины* (Д. Лихачев «Из воспоминаний»);

2) способностью взаимодействия компонентов (параллельное расположение компонентов / последовательное расположение компонентов): *Курение когда-то (в 1660 году) считалось в Англии медицинским средством, чтобы не заболеть чумой. 2. Если из-за чего-то стоит ездить в Кисловодск отдыхать, то это из-за «Косыгинской тропы» (так люди прозвали длинный новый терренкур, проложенный по идее А.Н. Косыгина)* (Д. Лихачев «Про то и про сё»). В первом примере взаимодействие компонентов в процессе последовательное, во втором – параллельное;

3) избыточностью по отношению к синтаксической норме, поскольку противопоставлена синтаксическим конструкциям «классического типа» [2, с. 186] где четко выражена сочинительная и подчинительная связи: 1. *Он (отец) привезет павловскую гигантскую землянику или ещё что-нибудь вкусное, а иногда игрушку: серсо, игрушечную парусную яхточку, заводной парходик (играть в воде мне особенно нравилось, и сохранилась даже фотография – я на море, по щиколотку в воде, в панамке и коротких штанишках, а у ног парусная игрушечная лодочка)* (Д. Лихачев «Из воспоминаний»). 2. *Михаил Михайлович (или, как его звали у нас в семье, Михал Михалыч) женился на дочери церковного старосты Ивана Степановича Семенова – Александре Ивановне* (Д. Лихачев «Из воспоминаний»). В первом примере, в отличие от второго примера, отсутствуют какие-либо формальные и неформальные показатели связи включающего и включенного компонентов (во втором примере во вставном компоненте – союз *или*, местоимение *его*, отсылающие к включающему компоненту).

Поскольку вставка нарушает логически выстроенную классическую фразу, то можем говорить о соотнесенности вставки как синтаксического процесса с интеграционным или дезинтеграционным синтаксическими процессами как процессами, которые противопоставлены синтаксической норме, поскольку для них характерно превышение «некой меры», которая установлена традицией [3, с. 38].

Считаем, что на отнесенность вставки к интеграции или дезинтеграции влияет способ взаимодействия компонентов, семантическая структура вставного и включающего компонентов и коммуникативная направленность текста (контекста). Таким образом, при анализе вставки мы рассматриваем три взаимосвязанных уровня – грамматический, семантический и коммуникативный (рис.1):

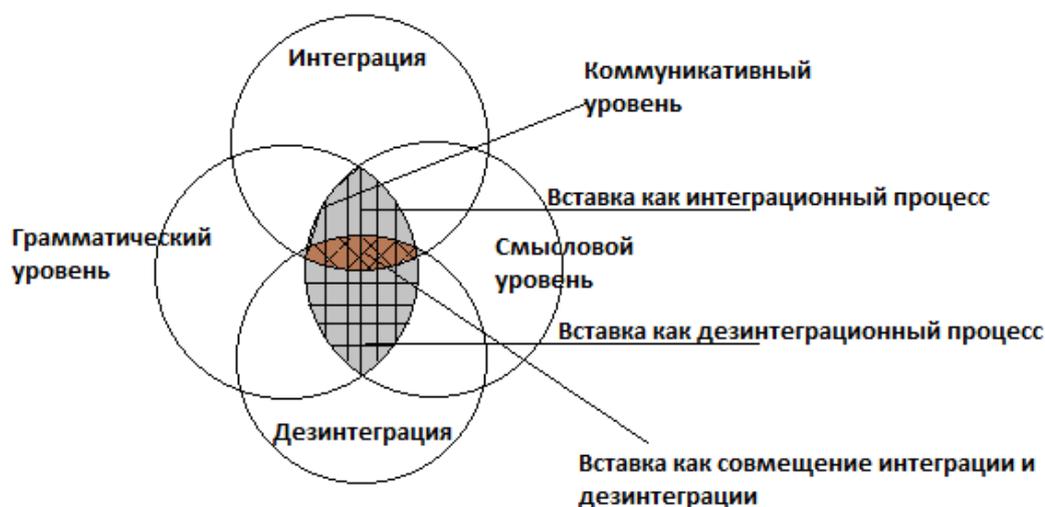

Рисунок 1. Взаимодействие грамматического, смыслового и коммуникативного уровней

В виде полей представлены грамматический уровень и смысловой уровни, которые тесно взаимосвязаны.

Грамматический уровень репрезентирован одним / разными типом / типами повествования вставного и включающего компонентов, единством / нарушением видо-временных связей между включающим и вставным компонентами, структурно-композиционным единством включающего и вставного компонентов или его нарушением, наличием / отсутствием формальных показателей (наличие во вставном компоненте местоимений, союзов и др.). На смысловом уровне можем говорить о наличии / отсутствии неформальных показателей (фоновые знания, пояснение, уточнение, комментарий, добавочная мысль и проч.), которые могут указывать на структурно-композиционное единство компонентов вставки либо на его отсутствие.

Область пересечения грамматического и смыслового уровней дает нам коммуникативную установку автора, поскольку именно автор-творец продуцирует языковую действительность, ведет с читателем диалог или игру.

В случае единства грамматического и смыслового уровней коммуникативный уровень включает в себя пояснение, размышление, уточнение мысли автора, желание автора «приблизить» свою картину мира к картине мира читателя. Представленное триединство позволяет говорить о вставке как об интеграционном синтаксическом процессе.

При значительном расхождении грамматического уровня вставного и включающего компонентов, обнаружении двуплановости повествования –

коммуникативный уровень является диалогом автора с читателем или представляет собой вариант «авторской игры с читателем», когда цель автора – обратить внимание читателя на что-то важное, существенное для автора (его эмоциональное состояние, внезапно возникшую мысль по ходу повествования и проч.), вставка является дезинтеграционным процессом.

Однако мы выявили примеры, когда невозможно однозначно отнести вставку ни к интеграции, ни к дезинтеграции (например, грамматический уровень свидетельствует о дезинтеграции, а смысловой – тесно связан с коммуникативным, т.е. прослеживается стремление автора быть максимально понятым читателем). Данное положение позволяет говорить о совмещении интегративных и дезинтеграционных функций вставки.

Обратимся к примерам.

О вставке как интеграционном процессе можно говорить в следующих случаях:

1. *Так, в Указе от 26 ноября 1948 года говорилось о том, что «немцы, калмыки, ингуши, чеченцы, финны, латыши и др. переселены навечно и что выезд с мест поселения без особого разрешения органов МВД карается каторжными работами до 20 лет». Здесь все было примечательным, особенно это – «и др.».* Однако, самая страшная беда – **война** – была позади (Г. Бельгер «Там, в долине») Наблюдаем единство повествования, вставной компонент (война) связан с включающим (беда), взаимосвязь компонентов выявляется на смысловом и грамматическом уровнях. Функциональная значимость коммуникативного уровня – пояснение (что является самой страшной бедой).

2. – *В штаны наложили: – Сержант уже обращается ко всем. Похоже, никто из вошедших не прожил достаточно долго, чтобы опоздать ко второму заходу. Компания та же. Я уже начинаю выделять отдельные лица, кроме Нике, это пожилой, очень интеллигентного вида господин, двое парней-близнецов (**чем черт не шутит, может быть, и впрямь близнецы**), крепко сбитая дама, напоминающая мне Луизу, и прыщавый юнец, явно нарисованный человеком, ненавидящем всю молодежь в мире* (С. Лукьяненко «Фальшивые зеркала»). В данном примере наблюдаем видо-временную связь глаголов-сказуемых вставного и включающего компонентов (изъявительное наклонение, настоящее время), вставной компонент содержит формальные показатели – союз **чем** вводит вставной компонент в компонент включающий. Коммуникативный уровень представлен попутным замечанием автора (а может и в самом деле это близнецы?) – здесь имеем дело с имитацией разговорной речи, диалога автора с читателем.

3. *Ворвавшись туда с пистолетом в руке, Кисель выстроил кондратовскую компанию лицом к стене (он так и крикнул на весь зал: «Лицом к стене! Быстро!»), и пока он держал их под прицелом, Тимур с удовольствием отлупил по очереди Кондрата и еще двух обидчиков* (А. Омар «Вальтер и рিশелье»). На грамматическом уровне представлен один тип повествования, единство видо-временных форм, наличие формального показателя (местоимение **он**) нарушается введением во вставной компонент конструкции с прямой речью, которая создает определенную двуплановость повествования. Однако на коммуникативном уровне вставной компонент уточняет изложение фактов, которые представлены во включающем компоненте (*Кисель ворвался, он выстроил и крикнул на весь зал*).

4. *Я обижаю и убиваю их всех. Поочередно, отлавливая в болотистых зарослях, затянувших городское водохранилище, ныряя и затаскивая под воду – где мог продержаться куда дольше их, ибо выходил из виртуальности. Последнему – если не ошибаюсь, это был Толик – я перерезаю горло бритвенно-острым листом инопланетной осоки* (С. Лукьяненко «Лабиринт отражений»). Обе вставки содержат формальный показатель структурно-композиционного единства текста (союзы *где* и *если*). В коммуникативном плане первый вставной компонент (*где мог продержаться куда дольше их, ибо выходил из виртуальности*) поясняет умения автора выходить из виртуальности, второй вставной компонент (*если не ошибаюсь, это был Толик*) носит характер попутного замечания, уточнения попутного повествования.

О вставке как дезинтеграционном процессе можно говорить в следующих случаях:

1. *Последняя граната тоже не находит цели, я кидаю гранатомет вверх, в один из трех уцелевших балкончиков, попадаю – стекло!.. сдерживаю плазмозан и делаю непростой выбор между двумя последними целями* (С. Лукьяненко «Лабиринт отражений»). Отсутствует формально-грамматическая связь между вставным и включающим компонентами, выявляется только смысловой уровень (с балкончиков посыпалось стекло). На коммуникативном уровне вставной компонент разрывает основное повествование, поскольку содержит неожиданный для автора результат, что подтверждается употреблением восклицательного знака и многоточия.

2. *Грустно. И то, что такое свойственно – увьи! – не только иным моим соплеменникам, - слабое утешение.* <...>

Это действительно так. Не один он – увьи! – так думает (Г. Бельгер «Там, в долине») Взаимосвязь вставного и включающего компонентов прослеживается только на коммуникативном уровне: употребление междометия *увьи* совместно с восклицательным знаком показывает эмоциональное разочарование автора своими близкими и знакомыми. Вставной компонент разрывает линейное высказывание, появляется второй – эмоциональный – план.

О возможности вставки совмещать в себе интеграционные и дезинтеграционные возможности свидетельствует следующий отрывок:

В новом колхозе с самого начала дела пошли на лад. Камиль-ака, первый его председатель, на общем собрании разделил колхозников – без каких-либо на то возражений – по трем бригадам по сугубо деловым качествам, решив, что «уртакларам-казахам» сподручнее заниматься скотоводством, «агаинам-узбекам» отвечать за бахчеводство, а долинным «немисларам» взять в свои руки земледелие (Г. Бельгер «Там, в долине»). Наблюдаем отсутствие формально-грамматической связи между вставным и включающим компонентами, вставной компонент отделен от включающего знаком «тире» Однако на коммуникативном уровне не наблюдается двуплановость повествования (характерная для дезинтеграции), автор «подстраховывает» понимание текста: ни казахи, ни узбеки, ни немцы-переселенцы не были против подобного распределения ролей.

Таким образом, мы рассмотрели вставку как синтаксический процесс, на что указывают соответствующие показатели: наличие минимум двух компонентов, которые обеспечивают протекание процесса; способ взаимодействия компонентов; отношение к синтаксической норме. В работе установлено, что в зависимости от взаимодействия грамматического, смыслового и коммуникативного уровней можно говорить об отнесении вставки к интеграционным и дезинтеграционным синтаксическим процессам или процессу, который совмещает в себе функции интеграции и дезинтеграции.

Библиографический список

1. Марьина, О.В. Интеграционные и дезинтеграционные процессы в синтаксисе русской художественной прозы 1980-х - 2000-х гг. Дисс. на соискание ученой степени д.фил.н. // О.В. Марьина.–Барнаул, 2012. – 384 с.

2. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке // Н.С. Валгина. – Москва: Логос, 2003. – 304 с.

3. Вердеш А.А. Тенденция к синтаксическому слиянию в художественных произведениях неклассической парадигмы (на материале русского, английского и французского языков). Дисс. на соискание ученой степени к.фил.н. // А.А. Вердеш.– Ростов-на-Дону, 2016. – 266 с.